

реку) многократно". Путь странствования нашей рукописи из Индии в Среднюю Азию остается для нас неизвестным.

Издание труда ал-Гарнати: *Le Tuḥfat al-albāb de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Garnāṭī* édité... par Gabriel Ferrand. *Journal Asiatique*, CCVII, 1925, Juillet-Septembre, pp. 1—304 (Вышло отдельным оттиском, Paris, 1925). — Brockelmann, I, 477, No. 5, 1; SB I, 877—878.

Ташкент
19 сентября 1944 г.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Народному творчеству свойственно сохранять некоторые традиции на протяжении весьма длинных отрезков времени. Факт этот достаточно хорошо известен. Но, вместе с тем, документальное подтверждение этого факта обычно крайне затруднено, так как записи фольклорных текстов в большей своей части произведены в XIX—XX вв., и возникновение той или иной темы может быть датировано только в результате кропотливых исследований, не всегда дающих достаточную уверенность.

Поэтому всякое более или менее определенно датированное свидетельство, имеющее какое-либо отношение к фольклору, для нас приобретает исключительно важное значение. К числу таких свидетельств относится одно сообщение известного арабо-испанского филолога Абū Бакра Мухаммада ибн Мухаммада ибн ал-Валида ал-Фихри ат-Туртүши (ум. в 520/1126 г.) в его крайне обильной ценными материалами книге „Сирадж ал-мулук“ („Светоч царей“).¹ Ат-Туртүши, приехав на Восток в поисках знаний, собрал весьма большой материал, причем среди изученных им источников было много таких, которые до наших дней не сохранились. Настоящая небольшая заметка, как мы надеемся, сможет показать, какой степени достоверности обладают эти сообщения.

В главе шестьдесят первой своей книги он говорит о теории военного дела своей эпохи и среди многочисленных интересных сведений сообщает,² со слов известного арабского полководца Насра ибн Саййара,³ следующее:

„Тюркские вожди (‘узама’ ат-турк) говаривали: великому и достойному полководцу нужно обладать десятью свойствами из свойств зверей — мужеством петуха, наклонностью к спору курицы, сердцем льва, натиском дикого кабана, лукавством лисы, терпением пса, высотой (полета) сокола, чуткостью журавля, алчностью волка, жиром нугайра,⁴ а это мелкое животное в Хорасане, которое жиреет, несмотря на трудности и бедствия.“

¹ Цитирую по каирскому печатному изданию 1306 г. х.

² Сирадж, 140.

³ Как известно, Наср ибн Саййар ал-Лайси выдвинулся в 705 г. при Кутайбе. В 724 г. он совершил поход на Фергану, в июне-июле 738 г. на Хорасан и Мерв, в 738—739 гг. ходил на Самарканд, Усрушану и Шаш. Умер он 9 ноября 748 г.

⁴ Что за животное подразумевает автор под названием *нугайр*, я решить не берусь. „Qāmūs“ (II, 151) дает слово *нугар*, поясняемое как „птицы воробья“, те же и схожие значения у Лэна. Однако контекст явно говорит не о птице, а о четвероногом животном. Qāmūs цитирует и уменьшительную форму, как у ат-Туртүши, приводя хадис „уа абā 'Umaur, mā fa'ala-n-pughaur“. Попытки перестановки точек также результатов не дают. В конце концов, вполне возможно, что под этим словом скрывается термин не арабского происхождения, но пока ничего подходящего мне обнаружить не удалось.

Ат-Туртүш не говорит, при каких обстоятельствах Насру ибн Саййāру пришлось слышать такие речи. Принимая во внимание его биографию, можно думать, что он слышал это в бытность свою в Хорасане или Средней Азии.

Для нас главный интерес этого сообщения лежит в том, чтобы установить, в какой мере здесь отражены подлинно тюркские традиции, а не собственные взгляды Насра. Заметим, прежде всего, что обладание сердцем льва — обычный эпитет для тюркского богатыря, живущий и поныне в фольклоре,¹ но что лев не менее излюбленная метафора для витязя и в арабской поэзии всех времен. Если бы мы начали сопоставлять эти данные непосредственно с фольклором тюркских народов наших дней, то почва у нас под ногами была бы весьма шаткой, так как этот фольклор подвергался длительному воздействию со стороны персидской литературы, в известной степени продолжавшей и арабские традиции. Но, по счастью, мы располагаем драгоценными документами, позволяющими нам проверить слова Насра иными путями.

Прежде всего отметим, что китайские хроники VI в., сообщая данные о народе Ту-кью (Кок-түрк), указывают, что дружина тюркских вождей носила название *фу-ли*, что значит ('волк').²

Еще интереснее сообщение древнейшего из известных оригинальных поэтических произведений на тюркских языках, поэмы Юсуф-хāсс-хāджиба „Кутадгу-билик“. В главе, посвященной характеристике образцового полководца, поэт говорит так:³

Керāk сү башынға бу бир-қач қылық,
 Йағға йўз урса, бўтўрсā йутуқ:
 Йағда, көр, арслан йўрағи керāk,
 Карыштук да әсри билāғи керāk,
 Тунгуз-тāk йāтимлик, бөрү-тāk күчи,
 Адықлайу ақсун, қотус-тāk ўчи.
 Сағызған дын сақрақ керāk тутса өз,
 Кайа-қусқуны тāk йырақ тутса көз.
 Яна алджы болса қызыл тўлкў-тāk,
 Табы бограсы-тāk, көр, ўч сўрса кек.
 Бадўк тутса химмат, көр, арсланлайу,
 Оқи-тāk усус болса тўнлā сайу.
 Бу нāнглār билā әр йағдыжы болур,
 Йағдыжы болур да йағрағчы болур.

‘Нужны полководцу эти несколько свойств,
 [Чтобы] добиться успеха, если он столкнется с врагом.
 В бою, смотри, сердце льва нужно,
 В стычке крепкая рука нужна.
 Как у кабана упорство, как у волка сила,
 Как у медведя ярость, как у кутаса натиск.
 Пусть он содержит себя чище сороки,
 Пусть будет зорче черного ворона.

¹ Обычный для узбекского дастана эпитет героя арслан-юрак.

² V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1896, p. 59. Как указывает Томсен, *фу-ли*, < бōри, бўри (волк). Такое сравнение есть и в самих орхонских надписях. Так (IE, 12): ақаным қаған сўси бōритмā армиш, йағғысы койтāғ армиш. Правда, наличие сравнения врагов с баранами здесь отчетливо выдвигает поэтическую функцию слова бōри.

³ Изд. Радлова, 86, 22—28. Транскрипция мною изменена.

Пусть будет хитер, как красная лиса,
 Пусть будет, смотри, мстителен, как верблюд-самец.
 Пусть будет, смотри, великодушен, как лев,
 Как сова пусть будет бессонным по ночам.
 С этими свойствами муж воином бывает,
 Воином бывает, да и снаряженным бывает.

Необычайное сходство этого отрывка со словами, приписываемыми Насру, сразу же бросается в глаза. Интересно, что как там, так и тут перечисляется десять животных. Конечно, список животных не совпадает. Повторены только лев, волк, кабан и лиса. Но полагать, что имелся стандартный список такого рода, было бы невозможно. Совершенно очевидно, что список должен был варьировать в зависимости от местных условий и эпохи. Важно в данном случае то, что самый принцип остается совершенно одинаковым.

Сейчас уже не может быть сомнения в том, что поэма „Кутадгу-билик“ возникла в Кашгаре под чрезвычайно мощным влиянием литературной школы, сложившейся в IX—X вв. в саманидской Бухаре и применявшей для выражения своих мыслей почти в равной степени и арабский и персидский языки. Отсюда могло бы возникнуть предположение, не вызвана ли рассматриваемая нами деталь подражанием арабской традиции. Думаю, однако, что такое предположение было бы неприемлемо. Во-первых, при явном наличии западных влияний, „Кутадгу-билик“ все же совершенно очевидно содержит очень много местных тюркских традиций, связана с кругом представлений, характерных именно для караханидского Кашгара. Во-вторых, едва ли случайна ссылка в словах Насра на „узамā“ ат-турк“. Если учесть эти оба момента, то мы с неизбежностью должны притти к заключению, что как слова Насра, так и отрывок Юсуф-хāсс-хāджиба отражают одну и ту же характерную для тюркской военной аристократии традицию, восходящую к весьма большой древности и в какой-то форме существовавшую уже и в VI в. Сопоставление это еще лишний раз подтверждает установленный блестящим исследованием И. Ю. Крачковского факт весьма высокой достоверности сообщаемых старыми арабскими источниками данных. Каков бы ни был источник ат-Туртүш, очевидно, что он содержал запись подлинных рассказов Насра ибн-Саййāра о его похождениях в Хорасане и Средней Азии. Совершенно естественно предположить, что по возвращении на родину он должен был охотно рассказывать обо всем том, что видел и слышал в этих далеких странах.

Расхождение деталей в списке Насра и списке „Кутадгу-билик“ подтверждает наличие традиции еще и тем, что список поэмы (за исключением льва) содержит только названия таких животных, с которыми любой представитель восточных тюркских народов должен был иметь достаточно хорошее знакомство.

Наличие этой традиции подтверждает и другое обстоятельство, а именно, что она не обрывается в XI в., а тянется и далее и сохраняется в фольклоре и литературе многих тюркских народов и до наших дней. Для доказательства можно было бы привести десятки цитат из литератур казахской, киргизской, узбекской, туркменской. Остановимся только на последней. Она особенно показательна, так как огузские племена прочнее других цеплялись за старые традиции и так как, в силу особого характера туркменской литературы, она в меньшей степени

поддавалась нивелирующему воздействию мусульманской школы и, потому, иногда более четко отражает старые представления.

Я не буду останавливаться на эпическом цикле преданий о Кӧр-оглы, где мы постоянно встречаем эпитеты, вроде „шир-пенжели“ (обладающий пятерней льва), „лачын-гӧзли“ (обладающий соколиным глазом) и т. п. Хотя эти эпитеты и относятся к кругу отмеченных нами представлений, но, поскольку записи поэмы, имеющиеся в нашем распоряжении относятся в XIX—XX вв., то можно было бы допустить (хотя это, конечно, и не так), что эти эпитеты внесены в нее в новейшее время.

Зато прекраснейшие образцы этой традиции дает нам творчество великого классика туркменской поэзии XVIII в. — Махтум-Кули. Творчество этого поэта особенно показательно. Хотя Махтум-Кули и получил образование в медресе, хотя он несомненно был прекрасно знаком с классической поэзией как на арабском, так и на персидском и старотуркменском (чагатайском) языках, но, тем не менее, его песни в полной мере пронизаны духом туркменской народной поэзии. Как их форма, так и большая часть образов неразрывно связаны с фольклором, что и позволило этой поэзии широчайшим образом распространиться среди туркменского народа, сохранить свое обаяние вплоть до наших дней. Сравнения со зверями в его поэзии занимают весьма немалое место. Вот отрывок из песни „Герекдир“.¹ Описывая витязя, поэт говорит:

Гаплан кимин арлап гирсе мейдана,
Тилки кимин базы берсе хер яна,
Дуранда гая-дек дуруп мердана,
Алур ерден ат салышы герек дир
Гин ерде гарга-дей болсын вэхимли,
Еринде хунерли иши герекдир.
Бургут гуш дей ганат какып дугулден,
Муханнеслер гечер жандан огул дан,
Гурт-дек гирип, гоюн кимин дагилдон,²
Эр йигидин мерт ёлдашы герекдир.

[Витязь], взревев, как тигр, пусть вступает на поле боя,
Пусть словно лиса повсюду применяет уловки,
Устойчиво, как скала, стоя на поле боя,
В должном месте вскачь нужно пускать коня.
В просторном месте (=степи) словно ворон пусть он будет
опасливым,

[Всякое] умелое дело его к месту пусть будет.
Когда словно беркут он ринется, хлопнув крылом,
Трусы отказываются от жизни, от [родного] сына,
Словно волк врывающийся, словно овец [врагов] разгоняющий.
Мужу-витязю мужественный товарищ нужен.

Или:

Аслышар ан ач бери дек
Ышк эдип мейдана, Геклен.

‘Привяжешься ты как голодный волк,
Полюбив поле битвы, гоклен!’

Или еще:

Севешде герек устатлар,
Шир йурекли, алгыр гуртлар,
Ягы геренде намартлар,
Начарлап, арват герунер.
‘В битве нужны мастера,
Сердцем львы, ловкие волки.
Трусы, увидев врага,
Беспомощными став, бабами кажутся’.

Эта традиция не обрывается в туркменской литературе вплоть до наших дней. Примеров можно было бы привести очень много. Так, в стихах Мерета Кылычова¹ говорится:

Шир меканна бери гирсе,
Шир ынж, алмаз ютмаянча.
Гоч йигитлер ганым герсе,
Дынмаз жай дар атмаянча.
‘Если в логовище льва волк забредет,
Не успокоится лев, не пожрав его.
Если туры-молодцы врага увидят,
Не перестанут они крепко бить его’.

Здесь, правда, волк уже выступает в иной функции: это — облагивший, но трусливый враг. Такую окраску он получает через сопоставление со львом. Но, повторяю еще раз, важно здесь не буквальное совпадение, не однозначность образа, а принцип, на котором образ складывается. Принцип же этот во всех приведенных случаях остается неизменным.

Конечно, говоря об этих образах, можно было бы вспомнить весь цикл представлений „Калилы и Димны“. Но едва ли сопоставление с этим животным эпосом было бы правомерным. Здесь существенно то, что самая идея этих сравнений исходит не из персонификации различных типов человека в образе животных, а из разложения одного и того же типа, а именно, образцового витязя, на ряд качеств, связываемых с различными животными. Иначе говоря, исходная точка здесь совершенно иная, нежели в „Калиле и Димне“.

Возможна еще одна линия сопоставления. В персидской поэзии XII в. у некоторых авторов было особое пристрастие к перечислению в қасыдах различных животных. Как характерный пример можно привести диван ‘Абдалваси’ Джабали, перечисляющего в своих қасыдах десятки разных животных. Однако, как мне кажется, цель, с которой он это делает, совершенно иная. Если взять, например, такой отрывок:²

¹ Магтымгулы. Сайланан гошгылар. Дузедер: Алиев Рузи, Ахундов Гургенли: Ашгабат, 1941, стр. 79.

² Хотя это и очень шаблонное сравнение, но нельзя не вспомнить о том, что в этих же словах мы его уже видели выше в надписи Кул-тегина.

¹ Сборник „Ватан угрында“. Ашхабад, 1943, стр. 52.

² Цитирую по Atashkade (лит. Бомбей, 1314), стр. 102.

- * از خیال رمح و عکس تیغ او در بحر و بر *
 * وز نهیب گرز و بیم تیر او در کوه و غاب *
 * بترکد چشم پلنگ و بفسرد خون نهنگ *
 * بشکنند پای هژبر و بکسلد پر عقاب *
 * گر بود با دوستان تو کشفرا اتصال *
 * و ر بود با دشمنان تو صدفا را انتساب *
 * نرم گردد چو فندک بر پشت او سنگ گران *
 * نیز گردد چون خسک در کام این در خوشاب *

‘От мысли о копье и отражения меча его на море и на суше,
 От ужаса перед палицей и страха перед стрелой его на горах
 и в зарослях

Лопнет глаз леопарда и застынет кровь акулы,
 Сломается нога льва и рассыплется перья орла.
 Если у черепахи будет связь с твоими друзьями
 И если с врагами твоими будет отношение у жемчужницы,
 Мягким станет, как фенек, на спине у той тяжкий панцырь,
 Острой станет, словно шип, в пасти у этой жемчужина хорошей
 воды’.

В этом отрывке нагромождены названия шести животных. Но появление их в первую очередь обусловлено желанием использовать поэтическую фигуру, известную под названием *mirā‘āt an-naẓīr*, т. е. сопоставление объектов, относящихся к одному разряду (в данном случае животному царству).¹ Здесь названия животных ничего не персонифицируют и, в сущности говоря, логической нагрузки не несут.

Поэтому, как приведенный выше отрывок из „Кутадгу-билик“, так и цитата из Махтум-Кули, хотя формально и могут быть подведены под фигуру *mirā‘āt an-naẓīr*, но фактически фигура эта возникает здесь вторично, а основное задание — иное, полностью совпадающее с тем, что мы находим в словах, приписываемых Насру ибн Саййару.

Таким образом, мы получаем возможность утверждать, что наличие этого весьма характерного приема может действительно быть прослежено на протяжении с XI в. по XX в., а, если считать, что зародыш его намечен уже китайскими хрониками, то даже и с VI в., или на протяжении четырнадцати столетий. Иначе говоря, документально подтверждается крайняя архаичность и устойчивость отдельных элементов героического эпоса тюркских народов, в частности, фольклора туркменского.

Интересно отметить, что тем самым мы убеждаемся в том, что и литературное (в самом широком смысле, включая сюда и устную „литературу“) творчество идет теми же путями, как и изобразительное искусство и что здесь повторяется явление, аналогичное тому, как в рисунке ковров, орнаменте керамики, орнаментике архитектурной и т. п. сохраняются мотивы, насчитывающие за собой иногда несколько тысячелетий жизни.

Второй же важный вывод, получаемый здесь, так сказать, побочно — новое подтверждение весьма высокой добросовестности и точности арабских ученых, которые и в этой области точно так же, как и в своих исторических хрониках и географических описаниях, дают материалы

надежные и обладающие большой ценностью. Я, конечно, далек от мысли утверждать, что любое слово арабских работ по *адабу* нужно считать заслуживающим полного доверия. Мы достаточно хорошо знаем, что и в те времена были возможны случаи искажения фактов в результате неверных сведений или даже сознательно, с целью доказательства того или иного нужного данному автору положения. Но все же, в общем, ценность этих источников остается несомненной и, если мы иногда находим данные, явно противоречащие нашим представлениям, то, зачастую, это, может быть, зависит или от искажений, внесенных в текст малограмотными переписчиками, или же даже и от того, что, несмотря на значительное количество исследований, сведения наши об этих отдаленных эпохах истории человеческой мысли на Востоке еще очень далеки от желательной полноты.

¹ Кроме того, тут еще применена и трудная фигура *jam' wa tafrīq*, которую этот поэт очень любил.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД